

DOI: 10.31425/0042-8795-2023-6

ГЕРОИ ОЧЕРКА В. ШАЛАМОВА «АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ ВОРОНСКИЙ» И ИХ СУДЬБЫ В МАТЕРИАЛАХ АРХИВА ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА Ф. ЛЕВИНА

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА ЛЕВЧЕНКО

кандидат физико-математических наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20;
email: tatlevchenko@mail.ru)

Аннотация. В статье подробно анализируются такие памятные тексты XX века, ставшие одновременно историческими свидетельствами, как очерк В. Шаламова «Александр Константинович Воронский» и книга самого Воронского «За живой и мертвой водой» (1970). Одним из тех, благодаря кому состоялось это издание, был литературный критик Ф. Левин. В статье Т. Левченко прослеживает судьбы как Воронского, Левина и Шаламова, так и близких им людей, попавших в мясорубку «большого террора» 1930-х годов и на долгое время вычеркнутых из истории советской литературы.

Ключевые слова: В. Шаламов, А. Воронский, Ф. Левин, издательство «Советский писатель», эпоха большого террора, лагерная проза, «Локаф».

Статья поступила 25.09.2022.

© Т. В. Левченко, 2023

В сентябре 1970 года в книжных магазинах Советского Союза появилась книга, на обложке которой было написано: А. Воронский, «За живой и мертвой водой». Была она выпущена Государственным издательством художественной литературы («Гослитиздатом») тиражом 50000 экземпляров. Это было первое за сорок лет переиздание автобиографической прозы Александра Константиновича Воронского — замечательного литературного критика, революционера-большевика, теоретика искусства, создателя журналов «Красная новь» и «Прожектор», расстрелянного в 1937 году. Ее выходу предшествовала тринадцатилетняя работа по возвращению советскому читателю литературного наследия Воронского, проделанная прежде всего его дочерью Г. Воронской и ее мужем И. Исаева¹.

Об издании этой книги с 1957 года хлопотал литературный критик Федор Маркович Левин (1901–1972). Он же написал к ней предисловие, в котором представлял и человека, которого знал, и его литературного двойника Валентина — главного героя «За живой и мертвой водой».

Левин был знаком с Воронским и с его семьей с начала 1930-х годов. В 1934-м он был редактором издания «За живой и мертвой водой», вышедшего в издательстве Московского Товарищества Писателей. Годом ранее в возглавляемом им издательстве «Советская литература» была выпущена автобиографическая книга о детстве и отрочестве Воронского «Бурса». Кроме того, в том же 1934 году в «Советском писателе» Левин издал книгу «Три повести»².

---

1 Галина Александровна Воронская (1914–1991) — писательница, дочь А. К. Воронского. Арестована в 1937 году, осуждена на 5 лет за «контрреволюционную троцкистскую деятельность». Сидела в Эльгене с 1937-го по 1944 год. В 1949-м арестована повторно, осуждена на бессрочную ссылку. Освобождена в 1954-м, реабилитирована в 1957 году, тогда же добилась посмертной реабилитации родителей — А. Воронского и С. Воронской. В 1959 году вернулась с Колымы в Москву.

Иван Степанович Исаев (1907–1990) — служащий, член ВКП(б) с 1930 года, арестован в 1936-м, осужден на 5 лет по статье «контрреволюционная агитация». Реабилитирован в 1955 году.

2 Книга включала в себя повести «Ольга», «На перепутьях» и «Будни». (На обложке книги указан 1935 год.) Ни одно издание Воронского в «Советском писателе» 1934–1935 годах не указано в библиографии Б. Шиперовича 1985 года [Шиперович 1985].

О выходе гослитиздатовской книги Варлам Шаламов в очерке «Александр Константинович Воронский» скажет особо:

Раньше 1967 года о Воронском не писали. Книжки его издавались очень туго. «За живой и мертвой водой» издали только в 1970 году — через пятнадцать лет после реабилитации³ [Шаламов 2005: 286].

Литературный портрет Воронского, написанный Шаламовым в этом очерке, — портрет яркий, страстный, восторженный, вписанный в контекст времени, в контекст профессиональных и человеческих отношений. Шаламов показывает читателю того, в ком видел идеал марксиста, литератора, человека. Спустя годы, вспоминая дружбу с Шаламовым, начавшуюся в лагере на Колыме в 1949-м, Г. Воронская напишет:

Я знаю, что он хорошо относился к творчеству моего отца. Лично он его не знал⁴. Мне кажется, что это хорошее отношение он частично как-то переносил на меня [Воронская 1990].

Шаламов первым после долгого забвения имени Воронского назовет его в печати, напомнит о роли критика в создании и работе журнала «Красная новь» [Шаламов 1958]. Шаламовский очерк был задуман как рассказ о главном редакторе «Красной нови», но после цензурных правок упоминание имени Воронского сократилось с двенадцати до четырех [Гаврилова 2013: 85]. «Дорогие Галина Александровна и Иван Степанович, — писал Шаламов в письме 27 мая 1958 года. — После ряда самых энергичных моих демаршей статья-заметка о “Красной Нови” была напечатана <...> Заметка (“Кр. Новь”) здорово сокращена и почищена, но и в этом виде едва нашла себе место в журнале» (цит. по: [Исаева 2000: 133]).

---

3 Воронский был реабилитирован 7 февраля 1957 года. До 1970 года из его литературного наследия были изданы сборник литературно-критических статей (1963); глава из книги «Гоголь» («Новый мир», 1964, № 8); несколько писем из переписки с Горьким (в сборнике «М. Горький и советская печать», 1965); роман «Бурса» (1966).

4 Шаламов после приезда в Москву слушал лекции, выступления Воронского в 1924–1927 годах. В 1933 году он присутствовал на партийной чистке Воронского в ГИХЛе. Подробнее об этом см. статью: [Малыгина].

В ответном письме 7 июля 1958 года Воронская напишет:

Большое Вам спасибо за все, и больше всего за доброе отношение к Александру Константиновичу. Заметка, конечно, очень пострадала, но понимаю прекрасно, что Вы тут ни при чем. По литературному наследию Александра Константиновича ничего нового нет. Лесючевский из издательства «Советский писатель» глубокомысленно читает книги вот уже год и, вероятно, будет их читать очень продолжительное время или просто откажет под каким-нибудь благовидным предлогом [Шаламов 2013: 260].

Одной из книг Воронского, которую за год не удосужился прочитать Н. Лесючевский⁵, была именно «За живой и мертвой водой». 24 августа 1957 года Воронская писала мужу из Москвы:

Была у Дементьева, он говорит: «Наше дело правое, и мы победим», но предлагает набраться терпения. Была в секции критиков, Дорофеев сказал, что ему поручено от секретариата Сов. писателей согласовать вопрос о книгах А. К. в высоких инстанциях. Там рекомендуют в первую очередь печатать художественные произведения, потом Желябова, потом критику, с которой, вероятно, выйдут затруднения [*Я не сплю...* 2013: 35].

Не позже ноября того же года список книг Воронского был согласован. Об этом Воронская сообщила Шаламову в письме 13 ноября 1957 года:

Комиссия по литературному наследию Александра Константиновича обратилась в издательство «Советский писатель» с предложением переиздать «За живой и мертвой водой», «Глаз урагана», «Рассказы» и сборник избранных критических статей. Ответа пока нет, но хорошего ничего не жду. Или откажут, или будут мариновать [Исаева 2000: 258].

Такой пессимистический прогноз был неслучаен. О том как трудно идут дела в «Советском писателе» по публикациям

---

5 Николай Васильевич Лесючевский (1908–1978) — партийно-литературный функционер, в 1951–1957 годах — главный редактор издательства «Советский писатель», в 1958–1964 годах — председатель правления издательства, с 1964-го — директор издательства. Известен своими экспертными доносами на писателей и связями с НКВД и Агитпропом.

реабилитируемых писателей, Воронская уже знала от Левина, работавшего в издательстве.

После восстановления в 1955 году в партии и Союзе писателей Левин много времени и сил отдавал работе по возвращению в литературу имен репрессированных во время сталинского террора писателей и критиков. Это были те, кого он знал лично, как Воронского: авторы «Красной нови» и «Прожектора», писатели, входившие в «Перевал» и «Кузницу» — И. Бабель, М. Герасимов, Б. Губер, А. Зорич, Дм. Стонов, И. Беспалов и другие. Левин входил в ряд комиссий по литературному наследию (в том числе и Воронского). Работа в «Советском писателе» позволила ему способствовать издательскому прохождению переиздаваемых или неопубликованных ранее книг. Э. Мороз, в то время молодой редактор «Советского писателя», вспоминала:

Имя Домбровского я впервые услышала в 1958 году от Федора Марковича Левина, бывшего «космополита» и нашего уважаемого редактора редакции русской прозы издательства «Советский писатель», где мне посчастливилось работать в самую пору «оттепели». Он хлопотал за издание романа с фантастическим названием «Обезьяна приходит за своим черепом» [Мороз 2021: 105].

Первым автором, за которого хлопотал Левин, вернувшись в издательство, был Андрей Платонов. Книга «Избранные рассказы» (1958) под левинской редакцией и с его вступительной статьей о Платонове стала первой книгой писателя за много лет. Как вынужденно кратко напишет Левин об истории появления этого издания, «вдове (Марии Александровне Платоновой. — *Т. Л.*) удалось издать сборник его прозаических произведений. Это далось ей и мне, редактору книги, с большим трудом, пришлось преодолевать немало сомнений, опасений» [Левин 1973: 48]. За этими строками стоит не только непрерывная, на протяжении трех лет, борьба за каждую строчку предисловия о Платонове, за каждый раздел, за каждый текст, но и рассыпанный весной 1957 года вариант книги, позволявший узнать уже тогда, а не спустя годы, Платонова-критика, драматурга, поэта.

---

6 Левин рекомендовал роман к публикации еще в 1948 году, чрезвычайно высоко оценив литературный талант автора. В «Советском писателе» книга вышла в 1959 году. Левин был ее редактором.

Особо неприглядна в этом была роль именно Лесючевского.

По воспоминаниям Е. Левиной, дочери критика, встреча Левина и Воронской произошла летом 1957 года. Одной из тем, которую они обсуждали, было издание автобиографических книг Воронского⁷; в частности, речь шла о возможном переиздании «За живой и мертвой водой» по тексту 1934 года и о предисловии Левина к нему. Однако прошло одиннадцать лет, прежде чем удалось договориться в издательстве «Художественная литература» о включении «За живой и мертвой водой» в план издательства.

С Левиным был заключен договор на предисловие, но редактором книги стала сотрудник издательства З. Радишевская.

В сентябре 1968 года Левин запишет в дневник:

В связи с моей работой над предисловием к книге А. Воронского «За живой и мертвой водой» была у меня его дочь Галина Александровна. Много интересного она рассказывала. Кое-что записываю⁸.

Воронский в одном из писем говорит, что его книга с выдумкой. Это так. Книга — не воспоминания в чистом виде. В ней рассказано об одной ссылке, но на деле их было две: в Яренск, а потом в Кемь. Впечатления обеих ссылок объединены и обработаны. Далее, рассказ ведется от первого лица, от автора, подробно рассказывающего о своем сверстнике, некоем большевике по имени Валентин.

В действительности такого сверстника не было, Валентин — это сам Воронский (его подпольная кличка, кстати, была именно «Валентин»). А выведенный в книге Ян — это Зевин, впоследствии один из 26 бакинских комиссаров⁹.

Воронская рассказывала Левину о том, что ее отец хорошо знал Ленина. Владимир Ильич ценил Воронского, любил с ним

- 7 Речь шла также о повести «Глаз урагана», действие которой происходит в 1912 году. Там «тоже изображается Валентин — большевик, подпольщик, не раз арестованный, побывавший в тюрьмах и ссылках. Он центральная фигура повести, в нем вновь нетрудно узнать самого А. К. Воронского» [Левин 1970: 9].
- 8 В июле — августе 1991 года, незадолго до смерти Воронской, исследователь истории лагерной Колымы А. Бирюков записал пять бесед с ней. В сокращении они опубликованы в его документальной книге «Жизнь на краю судьбы», посвященной судьбам репрессированных писателей на Колыме [Бирюков 2006: 477–505]
- 9 Яков Давидович Зевин (1888–1918) — член РСДРП с 1904 года, с 1917-го — один из руководителей борьбы за установление советской власти в Азербайджане.

разговаривать. Когда Ильич лежал больной в Горках, к нему допускали немногих людей; он, хотя не мог говорить, но все понимал, и ум его был ясен. Список тех, кого он хотел видеть у себя, он составил сам. Воронский был в этом списке, приезжал к Ленину часто. Однажды взял с собой в Горки дочь. Галине Александровне было тогда лет девять. Конечно, она ничего не запомнила их бесед отца с Марией Ильиничной и Надеждой Константиновной. Она помнит только, что обед у них был такой же, как у них дома, а девочка-то ожидала, что там едят что-то особенное!

Позднее отец рассказывал ей о своем столкновении со Сталиным (которого он тоже хорошо знал). В 1919 г <оду> запятая когда освободили Харьков, Воронский приехал туда из Москвы с группой сотрудников для восстановления органов советской власти. Сталин — тогда военный (видимо, член РВС фронта) — забрал в Харькове для военных нужд все телефонные аппараты. Не осталось даже для обкома и облесполкома. Воронский поехал к Сталину, просил вернуть часть аппаратов. Сталин не дал ни одного. Воронский сказал:

— Придется жаловаться Ленину.

Сталин грубо ответил:

— Плевать мне на твоего Ленина.

Воронский в 1927 году примыкал к троцкистской оппозиции. Он долго не делал заявлений об отходе от оппозиции. В 1928-м его исключили из партии и выслали в Липецк. О нем хлопотал Орджоникидзе, Фрунзе. Потом он подал заявление вернулся в Москву. В 1930-м в партии его восстановили.

Воронский работал старшим редактором в Гослитиздате. Тут у него возникла мысль об издании литературно-художественного и общественно-публицистического оборонного журнала в связи с нарастанием военной опасности. При встрече с Горьким Воронский поделился с ним своими соображениями. Горький очень одобрил, сказал, что переговорит со Сталиным. Сталин тут же заинтересовался. Пригласил Воронского. Это была их последняя встреча. Воронский изложил свой проект. Сталин предложил ему войти в редколлегию и стать редактором. Воронский поставил условие: единоличное редакторство, редколлегия только совещательная, и чтоб аппарат ЦК не вмешивался. Сталин промолчал. Потом Воронский говорил ему, что надо вернуть к работе Раковского, такая большая культурная сила, образованный коммунист. Сталин сказал: «Обойдемся!»

Под конец разговор принял характер спора. Сталин остался недоволен, на прощание не подал руки. Журнал был создан: «Локаф» (Литературное объединение Красной армии и флота), позднее превратившееся в «Знамя». Воронского к участию не привлекли.

В 1937 году он был репрессирован. Впоследствии дали справку, что он умер в 1944-м от туберкулеза или воспаления легких или чего-то в этом роде. Но это, конечно, неправда. Он был, по-видимому, расстрелян вскоре после ареста¹⁰ [Архив...].

Каким был первый вариант вступительной статьи до марта 1969 года, к сожалению, неизвестно. По воспоминаниям Е. Левиной, сразу по требованию Главлита критику пришлось внести в текст предисловия существенные изменения (убрать упоминания о репрессиях против Воронского). Сохранившийся в архиве машинописный вариант статьи «Художественные мемуары А. Воронского» с рукописной пометой Левина «2-й вариант» датирован 18 марта 1969 года. Он существенно отличается от финального текста, опубликованного в книге. Важное место в нем отводилось вопросу взаимоотношений Воронского и Горького, их переписке, обзору авторов, писавших о Воронском до 1969 года.

27 ноября 1969 года Левин записывает в дневнике:

Моя отличная (не хвалясь) рецензия, почти статья, горит синим огнем и, вероятно, вообще не пойдет. Не «Бедный Авросимов», а «бедный критик». Прямо хоть пиши только о покойниках (да и то не обо всех; моя статья — предисловие к «За живой и мертвой водой» А. К. Воронского — может погореть вместе с книгой, хотя все подготовлено и статья одобрена и на 60% оплачена)» [Архив...]

«Почти статья» — рецензия на роман Б. Окуджавы «Бедный Авросимов» («Дружба народов», 1969, № 4–6) под названием «Сквозь призму времени»; она была изъята из сверстанного номера газеты «Литературная Россия» от 28 ноября 1969 года и более никогда не была допущена к публикации. Книгу Воронского удалось отстоять. Новый вариант предисловия был подготовлен за два месяца, и 5 февраля 1970 года в дневнике Левина появилась запись:

---

10 По информации, предоставленной Военной коллегией Верховного Суда СССР семье Воронского, он был приговорен к расстрелу 13 августа 1937 года.

Данные из семейного архива Ф. Левина публикуются впервые. Даты различных записей (там, где они проставлены) указываются в тексте статьи.

Звонила Г. А. Воронская. Приятное известие: книга А. К. Воронского «За живой и мертвой водой» с моим предисловием ушла в набор — в Тулу. Теперь книга пойдет [Архив...].

Событием, привлечшим внимание Главлита сначала к рецензии на роман «Бедный Авросимов», а затем ко всем находящимся в работе статьям Левина, было обращение ряда писателей, среди которых был и Окуджава, в правление Союза писателей СССР с требованием, чтобы вопрос о решении рязанской писательской организации от 4 ноября 1969 года об исключении из членов Союза писателей А. Солженицына был обсужден на пленуме правления СП. Новость была передана зарубежными радиостанциями, и во все печатные издания поступило распоряжение задержать любые материалы, связанные с этими писателями. А ведь оба текста о романах Окуджавы и Воронского были написаны Левиным так, чтобы навести читателей на размышления не только об исторических параллелях с недавним прошлым, но и о необходимости общественной морально-нравственной рефлексии массовых репрессий в стране...

Как показывают письма лагерных друзей и знакомых И. Исаева и г. Воронской, книга Воронского, построенная на реальном историческом материале и личном опыте автора в 1905–1912 годах (жизнь профессионального революционера «на воле», в ссылках и тюрьмах), пробуждала в них воспоминания о более близкой истории. Колымская подруга Воронской Феня Шагоева, одной из первых получившая от нее книгу, написала в письме от 28 сентября 1970 года:

Что касается отзыва на книгу «За живой и мертвой водой», она у меня. От чтения всех разделов производит такое впечатление, незабываемое. Например, как он начинал рев<олюционную> деятельность, как стал революционером, как уехал в Петербург, как он там работал агитатором, встречи с Кржижановским, как его арестовали. А сейчас читаю, как его везли в ссылку. Когда читала все это, у меня встала картина моего ареста, суд, Военная Коллегия дала мне 10 лет тюрьмы, 5 лет поражения без права обжалования. Суд был 1 октября 1938 года, после суда заключение в пересыльную Ивановскую тюрьму, где было до 100 человек в камере, двойные нары. Пересыльная — это транзитка для блатных, сидела 6 месяцев, масса вшей, воровство блатных, нас тогда политических 3 человека. Остальные были все воровки, проститутки, они нам такие издевательства устраивали — уму непостижимо... [Товарищ... 2017: 98]

А. Яроцкий¹¹, хорошо знавший Шаламова по Колыме, перечитав «За живой и мертвой водой», писал своему другу Исаеву в октябре 1970 года:

Читал ее и раньше, но, мне кажется, без третьей части. Впечатление противоречивое, но некоторые места просто терзают душу. Особенно мне запомнилось место, где говорится о марксисте, объясняющемся в любви, и о том, как мать Г<алины> А<лександровны> заплакала, видимо, предчувствуя то, что ей уготовано судьбой и до и после революции. Хороши цитаты из протопопа Аввакума: «...до самая смерти», так и получилось, А<лександр> К<онстантинович> стоял за правду до смерти. Вообще, много пророческого о грядущем поколении, о равнодушии и примазавшихся. У него есть отдельный рассказ, где эта тема раскрыта глубже. Чудная книга, теперь ее читают мои друзья... [Я не сплю... 2013: 149–150]

О том, что было «уготовано судьбой» семье Воронского, Шаламов написал в финале очерка:

Жена Воронского давно умерла в лагерях¹², дочь вынесла двадцать два года на Колыме, — пять в лагере на Эльгене и семнадцать в самой Колыме. Семнадцатилетней девочкой она туда уехала — вернулась седой и больной матерью двух девочек [Шаламов 2005: 586].

В дневнике Левина за сентябрь 1968 года года осталось короткое, но эмоциональное свидетельство об аресте и допросах Воронской в 1936–1937 годах:

Галина Александровна тогда училась в Литер<атурном> институте. Ее исключили из комсомола, так как она не пожелала отказаться от отца и вообще осудить его, говорила, что он настоящий, честный партиз. Потом Галину арестовали, была она еще совсем молодой

11 Алексей Самойлович Яроцкий (1908–1982) — ученый-экономист, в 1935-м был обвинен в контрреволюционном заговоре и приговорен к 5 годам в исправительно-трудовых лагерях на Колыме. Работал вместе с Шаламовым в Центральной лагерной больнице. В 1965–1976 годах написал книгу «Золотая Колыма» о пережитом [Мальгина].

12 Сима Соломоновна Воронская (урожд. Песина, 1889–1943?) была приговорена в 1937 году к 8 годам ИТЛ. Прошла через Сегежлаг и Карлаг. 21 февраля 1943 года была освобождена из лагеря как неизлечимо больная и вскоре умерла.

(род<илась> в Кеми в 1914 г<оду>). Тут она узнала, что на нее подали заявления четыре соученицы¹³, в том числе Екатерина Шевелева. С Шевелевой у Галины Александровны была очная ставка. Шевелева лгала. Вдруг она сказала, что Галина делала бомбы. Следователю было ясно, что это дичь, к тому же дело у него было закончено, готово, очная ставка являлась только формальностью. Если принять заявление о бомбах, надо добавлять новую статью, менять кару и т. д. Он резко оборвал зарвавшуюся Шевелеву:

— А вы видели?

— Нет, — отвечала Шевелева. — Но Воронская знакома с таким-то и таким-то, а они, как я слышала, делали бомбы <...>

Хороша поэтесса и журналистка Катя Шевелева! Дрянь! [Архив...]

Природа нравственного падения людей, природа предательства, доносительства волновала Воронского. Анализируя мотивы второй и третьей части «За живой и мертвой водой» в предисловии 1970 года, Левин обращает внимание читателя, что наряду с искренними, самоотверженными, верящими в идеалы очень разными людьми (не только революционерами) «в ссылке Воронский увидел и людей заблудших, сломавшихся, отступников». Но, — продолжает он, —

есть и худшие мерзейшие люди. Это — провокаторы, доносчики, завербованные царской охранкой. Едва ли не самые яркие страницы этой части книги посвящены изображению Миры — Марии Спициной, предательницы, агента охранки <...> В третьей части книги Воронский <...> осуществил свой замысел рассказать о «людской пыли». Но беда не только в ренегатах, не только в тех, кто оплевал свое революционное прошлое и стал всеми путями добиваться благ для себя, только для себя. Дело и в том множестве мещан, обывателей, которые знают только свой шесток, свою мелкую трусливую жизнь, живут пассивно, выжидая пока будущее для них завоевывают другие [Левин 1970: 11–13].

Левин видел насущную необходимость в осмыслении обществом подобного поведения соотечественников в недавнем прошлом. В июле 1966 года он записывает в дневнике:

13 Показания также дали однокурсницы Гуковская, Подчук, Трусова; фамилия следователя была Смирнов [Бирюков 2006: 502]. Екатерина Васильевна Шевелева (1917–1998) — советская писательница, член Комитета борьбы за мир.

В сущности, многие так или иначе пытаются объяснить свое трусливое, и иногда и подлое поведение в годы 1937–1953, чтобы оправдать себя. Люди вели себя по-разному: одни были активными соучастниками, проработчиками или и того хуже: исключали, доносили, сажали, приговаривали, другие пассивно глядели, отходили в сторону, обходили бывших друзей и знакомых, подвергшихся проработкам, покорно подымали руки «за» исключение, внутренне не веря. Что это было? Одни ничего не понимали и слепо верили в Сталина и в то, что совершаемое если и жестоко, и даже несправедливо, но оно необходимо, иначе нельзя, «щепки летят». Другие понимали, но делали карьеру: это самые грязные подлые, в сущности, фашисты. Они чиновники, карьеристы, готовые служить кому угодно стоящему у власти, они циники, они — бюрократы и т. д. Наконец, были и такие, которые усыпляли голос своей совести, ссылаясь на то, что они жертва обстоятельств, а по сути дела вульгарно боялись, а к тому же не хотели лишаться своей доли благ и комфорта. И они эту долю имели. Но в глубине души они не могут не сознавать, что они не борцы, не революционеры, не коммунисты, а так... обыватели <...>

Своих преступников мы так и не судили. А разве нет у нас не только всякого рода прямых палачей: следователей, избивавших подследственных, лагерного начальства, доносчиков и агентов, губивших людей, но и проработчиков (вроде И. Астахова, Б. Галина, Л. Ошанина, А. Софронова, В. Кочетова, Н. Лесючевского и т. д. и т. п., имена их ты, господи, веси)¹⁴, чиновников, которые усердно исполняют очердные указания... [Архив...]

Шаламов в очерке о Воронском показывает восприятие второй и третьей части «За живой и мертвой водой»

---

14 Иван Борисович Астахов (1906–1970) — партийно-литературный деятель, литературовед; Борис Абрамович Галин (1904–1983) — советский писатель; Лев Иванович Ошанин (1912–1996) — советский поэт-песенник, партийно-литературный функционер, проработчик во время кампании по борьбе с космополитизмом; Анатолий Владимирович Софронов (1911–1990) — писатель, драматург, в 1948–1953 годах — секретарь СП СССР, в 1953–1986 годы — главный редактор журнала «Огонек», один из главных организаторов борьбы с космополитами в СП СССР; Всеволод Анисимович Кочетов (1912–1973) — советский писатель, в 1953–1955 годы — руководитель ленинградского отделения СП СССР, в 1955–1959-е — редактор «Литературной газеты», с 1961-го — главный редактор журнала «Октябрь».

другой оптикой — глазами молодого человека, вовлеченного в политические события 1926–1927 годов¹⁵:

Так называемая оппозиция, молодое подполье, в первую очередь нуждалось в самых популярных брошюрах с изложением элементарных правил конспирации. Кравчинский, Бакунин, Кропоткин — все это штудировалось, изучалось молодежью, прежде всего студенчеством. Задачу быстро написать катехизис подпольщика, где читающий мог научиться элементарным правилам конспирации, поведению на допросах, и взял на себя Александр Константинович Воронский. Фишелев дал типографию, где набирал платформу 83, основной оппозиционный документ. Троцкий и его друзья Радек, Смилга, Раковский выступали с письмами, и эти платформы перепечатывались, развозились по ссылкам. Александр Константинович Воронский взял на себя особую задачу — дать популярное руководство поведения. Таким руководством и были вторая и третья части мемуаров «За живой и мертвой водой» <...> Вторая часть, где любой арестованный и ссыльный может получить добрый практический совет, очень высоко оценивалась среди оппортунистической молодежи. Это — главная книга, настольное пособие молодых подпольщиков тех дней [Шаламов 2005: 584–585].

Одним из молодых людей, поддержавших в 1927 году «письмо 83», был младший брат Левина¹⁶. Другого, Михаила Фишелева, профессионального революционера, директора в 1920–1927 годах Первой Образцовой типографии, Левин хорошо знал. Из дневника Левина 1970 года мы узнаем, что в 1935 году, после убийства С. Кирова,

---

15 1926 год был годом выступлений «объединенной оппозиции» Л. Троцкого, Л. Каменева, Г. Зиновьева против «перерождения» партийного руководства Сталина и Бухарина и предательства дела мировой революции. В 1927 году эти и другие обвинения были сформулированы в «письме 83-х», подписанном несколькими тысячами большевиков. После демонстрации 7 ноября 1927 года оппозиционеры были арестованы, отправлены в тюрьмы и ссылки.

Шаламов был участником демонстрации в поддержку левой оппозиции 7 ноября 1927 года в Москве.

16 Александр Маркович Левин в начале 1935 года был выслан в Казахстан, там судим и по решению суда отправлен в 1936 году в Дальлаг. В 1938 году приговорен к высшей мере наказания как поддерживавший левую оппозицию. 9 июня 1956 года его дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

начался приступ бдительности. Полуян (она была председателем профкома) и Ольга Алексеевна Колесникова (кажется, секр<етарь> парторганизации изд<атель>ства) насели на меня, требуя, чтобы я «почистил» издательство от сомнительных кадров: убрал Самуила Товича Мирингофа (зав. производств. отделом), беспартийного, который был членом большев<истской> Партии с 1912 по 1917 г <оды>, после июльских дней 1917 г<ода> колебнулся, перешел к меньшевикам, месяца через три ушел от них, но «от стыда» уже не вернулся в партию. Полуян и Колесникова требовали убрать Миренгофа, как б<ывшего> меньшевика <...>

Требовали от меня убрать Ратнера. Это был делец, ведавший снабжением бумагой, картоном и т. д., ничего в нем плохого не было. Требовали убрать Козловскую Янину Мечиславовну¹⁷, завед<ующую> редакцией, — это уже посерьезней. Она — дочь известного большевика М. Козловского, имя которого вошло в историю партии, его знал Ленин и, кажется, он был одним из тех, кто приехал с Ильичем через Германию в апреле 1917 г<ода>. Сама Козловская и ее муж Дроздов одно время принадлежали к троцкистской оппозиции, потом отошли, остались в партии. Мне предлагали ее уволить: «троцкистка». Я возражал: она член нашей партии, ее не исключили, так разве она не может у нас работать, тем более на идеологической работе? Я не уволил. Потом, когда я уже работал в ЦК, узнал, что арестовали Дроздова, а потом и Козловскую. Требовали уволить Фишелева¹⁸. Это было еще серьезнее. Фишелев, зав. Мирингофа по произв<одственному> отделу, в 1927 г<оду> в разгар борьбы троцк<истской> оппозиции, будучи директором типографии, печатал у себя троцкистские листовки. Его тогда исключили из партии. Он был типографским рабочим с юных лет. Однако я и тут не видел необходимости его увольнять. Мирингоф

-
- 17 Козловская Янина Мечиславовна (1901–1970) в 1920-е годы работала в газете «Беднота». Арестована в августе 1936 года, приговорена к 10 годам ИТЛ. Реабилитирована в 1956 году. О ее смерти упоминается в переписке Воронской и Ф. Шагоевой: «26.IV.1970. Из нашего магаданского полка все уходит понемножку. Яна Козловская, что работала на прачечной в Эльгене, тоже умерла».
- 18 Фишелев Михаил Семенович (1988–1937) — деятель международного рабочего движения, член РСДРП с 1907 года. В 1908-м был сослан на вечное поселение в Сибирь, бежал в США, где участвовал в создании социалистической газеты «Новый мир» (1911–1938), в которой работал с Троцким, Бухариным, Коллонтай и др. В 1917-м вернулся в Россию. В 1928-м — осужден за троцкизм на 3 года высылки. Арестован в 1936 году, в 1937-м приговорен к высшей мере наказания. Место казни — Сандромох.

заверил меня, что Фишелев никаких дел с типографиями не имеет, работает внутри отдела. Я же исходил из того, что всякий советский человек имеет право работать; куда же итти? <...> Сам Фишелев пришел ко мне и сказал:

— Федор Маркович, до меня дошло, что от вас требуют меня уволить. У вас неприятности, так давайте я подам заявление об уходе.

Я отклонил это предложение.

— Не вижу оснований. Вы отошли от оппозиции?

Он ответил:

— Тогда же, когда меня исключили из партии.

В общем, все оставались на своих места, а Полуян и Колесникова писали на меня заявления в МК, ЦК, в партком Союза писателей. Меня вызвали. Был разбор. Помнится, поставили на вид за затяжку с увольнением Фишелева (он все-таки подал заявление, и я освободил его). Потом, когда я ушел из издательства, Фишелев тоже был где-то на работе арестован, кажется, он работал в типографии [Архив...]

Левин не пишет, но партийное взыскание, арест брата, наличие в портфеле и плане издательства произведений «анти-советских» авторов (Ахматовой, Платонова, Воронского и др.) стоили ему в 1935 году работы в «Советском писателе»¹⁹ [Левченко 2017: 45–47].

Литературный круг Левина был чрезвычайно широк. В его воспоминаниях, дневниках, исследованиях немало страниц, посвященных тем, о ком пишет в очерке о Воронском Шаламов. Это не только А. Луначарский и М. Горький, В. Маяковский и Б. Пастернак, но связанные с «Перевалом» Б. Губер и Э. Багрицкий, авторы «Красной нови» И. Бабель и Л. Сейфуллина, М. Герасимов и А. Новиков-Прибой, А. Зуев и многие другие. В архиве Воронской — Исаева хранится письмо Г. Григорьева²⁰, кинодраматурга и писателя, репрессированного в 1937 году. Письмо было адресовано Левину:

19 Ф. Левин был главным редактором и директором издательства «Советский писатель» в 1934–1935 годах. В 1956 году он вернулся в издательство на должность старшего редактора, но в 1961-м в знак протеста против цензурных требований Н. Лесючевского и Агитпропа ушел.

20 Григорий Прокофьевич Григорьев (1898–1971) — украинский советский писатель, кинодраматург, в 1937 году был репрессирован, отправлен в колымский лагерь.

9.II.1970

Многоуважаемый Федор Маркович!

Большое спасибо за радость, которую мне доставил Ваш подарок. Предисловие прекрасное. Жаль только, что издательство не догадалось поместить портрет Воронского.

Помню последнюю встречу с ним, кажется, в 1935 г<оду> на квартире А. Веселого. Он пришел к нему ненадолго вместе с И. Бабелем. Жаловался, что потерял законченную рукопись книги о Гоголе, подготовленную для серии «Жизнь замечательных людей». Бабель успокаивал его, напомнил, что в свое время Некрасов потерял рукопись Чернышевского «Что делать?», и все же она нашлась. Все же Воронский был очень грустен. Мне казалось, что его тревожила не только судьба рукописи, не давали покоя смутные предчувствия о своей невеселой доле [*Товарищ...* 2017: 67]

Не вызывает сомнений, что Шаламов сразу узнал о выходе «За живой и мертвой водой»²¹. Первым письменным откликом на вышедшую книгу было его письмо Воронской от 15 сентября 1972 года. Посылая ей свою книгу «Московские облака» с дарственной надписью «Колымчанке Галине — дочери Валентина. Москва, сентябрь 1972 г<од>» (обыгрывая таким образом один из эпиграфов «За живой и мертвой водой»: «Галине — дочери Валентина»), он писал: «Конечно, мне бы хотелось выпустить свою “За живой и мертвой водой”, — разумеется, только в Советском Союзе»²² [Исаева: 135]. Как следует из их дальнейшей переписки, с переизданной книгой Шаламов познакомится не раньше лета 1976-го, получив ее в подарок от Воронской.

-
- 21 Шаламов следил за публикациями, связанными с Воронским. На публикацию главы книги Воронского о Гоголе он откликнулся немедленно: «18.09.1964. Сердечно рад выходу фрагментов “Гоголя” в “Новом мире”. Я тоже не знал этой работы Александра Константиновича и получил огромное удовольствие от прочтения того немногого, что напечатано» [Исаева 2000: 134]. В очерке о Воронском указал на публикацию в 1969 году важного свидетельства Крупской о встрече Воронского и Ленина незадолго до смерти последнего [Шаламов 2005: 584].
- 22 Фраза о желании выпустить «свою “За живой и мертвой водой”» именно в Советском Союзе, написанная не в официальном послании, а в письме друзьям, на наш взгляд, весьма важна для оценки мотивов письма Шаламова, опубликованного в «Литературной газете» 15 февраля 1972 года.

Свою благодарность и впечатления от издания Шаламов выскажет в письме от 16 августа 1976 года:

Дорогая Галина Александровна!

Сердечно Вас благодарю за такой дорогой подарок.

С удовольствием перечитываю каждую строчку «За живой и мертвой водой» — ведь это наша живая юношеская классика, где мы учили каждый абзац, каждый сюжетный поворот, каждый образ, *учились воспитывать в себе единство слова и дела* (курсив мой. — Т. Л.).

Отредактирована книга, прямо сказать, неважно. Режет глаза, например, отсутствие отдельного эпиграфа к 3 части (курсив мой. — Т. Л.) «За живой и мертвой водой»:

И маршалы зова не слышат,
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили,
И продали шпагу свою.

«Воздушный корабль»

Вот этот самый эпиграф — журнальный текст — передавали из рук в руки во всех студенческих общежитиях Москвы, да и не только в студенческих.

Хорошо, конечно, что сохранилось главное посвящение: «Галине — дочери Валентина».

Не делают чести редакции и другие просчеты. Так, вовсе не упомянут «Желябов» — книга, прямо сказать, удачная в изображении героев народовольческой эпохи. Такая удача никогда не была потом повторена [Шаламов 2013: 261–262].

Оба письма свидетельствуют, насколько значима была для Шаламова книга «За живой и мертвой водой». Это была «своя» книга, книга, многое определившая во внутренних устоях и жизненной позиции. Это она и ее автор неназванно присутствуют в очерке «Бутырская тюрьма (1929 год)»:

Именно здесь, в стенах Бутырской тюрьмы, дал я себе какие-то честные слова, какое-то слово, встал под какие-то знамена.

Какие же это были слова?

Главное было — соответствие слова и дела.

Поэтому понятен его критический отзыв о редакции текста и неудовлетворенность предисловием.

Знал ли (помнил ли) Шаламов, когда писал свои замечания в 1976 году, о драматической истории этого предисловия? Судя по всему, нет. А редакция «За живой и мертвой водой» 1970 года действительно отличалась от всех прижизненных изданий книги Воронского. По сравнению с изданием 1934 года (редактором которого был Левин) издание 1970 года подверглось немалой цензурной правке. Об одной из причин повышенного внимания цензоров к книге было сказано выше, другая заключалась в том, что среди героев книги был Ленин, чей художественный и мемуарный образ должен был соответствовать утвержденному к этому времени каноническому образу вождя мировой революции. В юбилейный ленинский год (100 лет со дня рождения) за этим следили особенно бдительно. По требованию «экспертов» из Института марксизма-ленинизма в издании 1970 года оказались купированы фрагменты текста, связанные с поведением, внешностью, оценкой человеческих качеств Ленина. Как было написано в заключении, за «слишком фамильярный тон в описании мотивов поведения В. И. Ленина» [*Заключение...* 1970:]. Так, например, была убрана оценка Ленина Валентином-Воронским: «Ленин <...> очень последовательный и... очень непоследовательный. К нему твоя мерка не подходит, как и ко всем гениям». А из описания внешности Марии Ильиничны Ульяновой исчезло описание улыбки: «Когда она улыбалась, рот ее немного перекашивался, и от него книзу ложились резкие с горечью складки». Было убрано также упоминание о Д. Шварцмане и Троцком²³.

Время написания Шаламовым очерка «Александр Константинович Воронский» датируется неопределенно — «1970-е годы». Приведем фразу из письма 1976 года, касающуюся эпитафии и соответствующего по содержанию фрагмента очерка:

Вторая часть напечатана в журнале «Новый мир» в № 9–12 1928 года. Эта *вторая* (курсив мой. — Т. Л.) часть имела особый эпитаграф из Лермонтова.

И маршалы зова не слышат.
Иные погибли в бою,

---

23 В издании 1934 года имя Троцкого было сохранено.

Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

Этот в высшей степени выразительный эпитаф был снят в отдельных изданиях [Шаламов 2005: 585].

Можно предположить, что финальная редакция очерка была сделана после 18 сентября 1976 года. В очерке уже указан правильно номер главы, которой эпитаф был предпослан, и появляется объяснение о его возможном отсутствии в «отдельных изданиях».

«Отдельными изданиями», в которых отсутствовал эпитаф из лермонтовского «Воздушного корабля», были все издания «За живой и мертвой водой», кроме первого. Для Шаламова особая выразительность этого эпитафа, вероятно, была связана с его «ленинскими» аллюзиями: раскол в партии, последовавший за смертью Ленина, изгнание, уничтожение старых большевиков-ленинцев... [Соловьев 2019: 17].

Однако второй главе был предпослан и другой эпитаф, «забытый»²⁴ Шаламовым. Это отрывок из III главы («Мечты») «Юности» Л. Толстого:

Я убежден в том, что, ежели мне суждено прожить до глубокой старости и рассказ мой догонит мой возраст, я стариком семидесяти лет буду точно так же невозможно ребячески мечтать, как и теперь. Буду мечтать о какой-нибудь прелестной Марии, которая полюбит меня, беззубого старика, как она полюбила Мазепу, о том, как мой слабоумный сын вдруг делается министром по какому-нибудь необыкновенному случаю, или о том, как вдруг у меня будет пропасть миллионов денег. Я убежден, что нет человеческого существа и возраста, лишенного этой благодетельной, утешительной способности мечтания.

Герои «За живой и мертвой водой» — и Валентин, и Александр (персонаж, от лица которого ведется повествование, также наделенный чертами Воронского) — не раз говорят о своих «ребяческих мечтаниях» даже в тюремной камере, размышляют о мечтах, преображающих мир, — своих и других людей: «Мне вспоминались счастливые мелочи из детства:

---

24 Что не удивительно, зная негативное отношение Шаламова к Л. Толстому, к его идеям.

игрушки, пахнувшие свежими красками и лаком, уж, от которого я в страхе бежал, таинственный и неуловимый сверчок по вечерам; мне хотелось мечтать о прекрасном и несбыточном, но камера, но письмо, безотрадность заточения обрывали мечтания. Нет ничего хуже, когда человек лишается их...»; «Я думал: говорят, что мечтания никогда не воплощаются в жизнь. Какая ограниченность, какое жалкое заблуждение! Нет, подобно весенним цветам, расцветают надежды в человеке, цветы завязываются, зреет плод и падает в осеннюю пору».

Описывая облик Валентина, Воронский подчеркнет, что его «глаза были *мечтательные* и голубые». Но мечта в «За живой и мертвой водой» оказывается и соположенной смерти: мечта о преобразовании мира, о светлом будущем неразрывно связана с крестным путем его преобразователей — революционеров...

Необъятны и пустынно были леса, небо, болота. Они обступили собравшихся, давили и теснили их своей лесной, земляной, безмолвной, косной правдой, они жили своей извечной, тайной жизнью. И собравшиеся жили по-своему; казалось, никто из них не смотрел ни на луну, ни на звезды, не слушал шорохов и говора леса. Они не воспринимали их, ибо думали о своих путях, о путях бунта, креста и *мечты* <...> Я не знал и не мог знать, что пройдет пять — десять лет, и от этих молодых, здоровых и крепких людей в неравной борьбе останутся одиночки, что настанут дни, когда их поведут к перекладине, и в предутреннем свете закачают их тела с вывороченными, с выпученными глазами, отвиснут подбородки и тяжело вывалятся языки, что замуруют их живыми в подвалах, в казематах, и загаснут, отупеют их взоры <...>

Теперь, двадцать с лишним лет спустя, в часы раздумья, я оглядываюсь мысленно, перебираю в памяти весело и шумно окружавших меня когда-то сверстников и соратников. Их нет, они умерли, остались одиночки. Как много преждевременных могил! И одиноко и скорбно бывает мне пред этой разверзнутой тьмой небытия, праха и забвения!

Эпиграф из «Юности» Толстого и строфы «Воздушного корабля» Лермонтова были сняты вместе, потому что вместе они несли в себе гораздо более мощный и отчетливый политический и исторический смыслы, и определенный горький итог, который отчетливо прозвучит в 1934 году в написанной Воронским биографии Желябова:

История движется ужасно тихо, надо ее подталкивать... Сколько отда-но жизнью, сколько изведено мук, а по-прежнему «с человеком тихо», по-прежнему «сплошной», застойный быт твердит тупо: не суйся! Мечтания мечтаниями, а в жизни — замок, подвал, решетка, замо-гильная тишина казематов [Воронский 1934: 71].

«История движется ужасно тихо», но спустя девяносто два года в 2019 году книга «За живой и мертвой водой» вышла в России в том виде, в котором она была задумана автором, та-кой, какой мечтали опубликовать ее в Советском Союзе полве-ка назад Воронская²⁵, Шаламов и Левин.

Литература

Архив Ф. М. Левина. Воспоминания, заметки, переписка 1920–1972 го-дов. Собственность семьи Левиных (частное хранение).

Бюрюков А. Жизнь на краю судьбы. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2006.

Воронская Г. Воспоминания о В. Т. Шаламове // Литературное обозре-ние. 1990. № 10. С. 90–152.

Воронский А. К. Желябов. М.: Молодая гвардия, 1934 (серия ЖЗЛ).

Гаврилова А. П. «...Сыграл огромную роль в истории советской литера-туры»: Очерк Варлама Шаламова о журнале «Красная новь» из личного фонда писателя в РГАЛИ // Отечественные архивы. 2013. № 6. С. 84–90.

Исаева Т. И. Я не теряю надежды // Исторический архив. 2000. № 1. С. 130–139.

Левин Ф. За живой и мертвой водой А. К. Воронского // *Воронский А. За живой и мертвой водой.* М.: Художественная литература, 1970. С. 5–20.

Левин Ф. Из глубин памяти. М.: Советский писатель, 1973.

Левченко Т. В. Литературные критики журналов «Литературный кри-тик» и «Литературное обозрение» по материалам архива Ф. Левина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. 2017. Т. 19. № 2 (163). С. 38–55.

Мальгина Н. Воспоминания А. С. Яроцкого о Колыме в литературном кон-тексте // *Яроцкий А. Золотая Колыма.* Спб.: Нестор-История, 2021. С. 3–80.

---

25 Дело сохранения литературного наследия Воронского продолжает его внучка Т. Исаева.

- Малыгина Н. В. Т. Шаламов и А. К. Воронский // Сергей Есенин, его современники и наследники: Коллективная монография к юбилею Н. Шубниковой-Гусевой / Отв. ред. Н. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН (в печати).*
- Мороз Э. Судьбы скрещенье // Знамя. 2021. № 12. С. 72–90. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 8. Д. 180. Л. 105.
- Заключение экспертов Института марксизма-ленинизма о публикации воспоминаний А.К. Воронского "За живой и мертвой водой" (1970) // РГАСПИ.
- Соловьев С. Человеческое измерение революции // Воронский А. К. За живой и мертвой водой. М.: Common place, 2019. С. 17.*
- Товарищ Валентин. Воспоминания об А. К. Воронском / Сост. Т. Исаева. М.: Мархотин П.; Сделано-Сказано, 2017.
- Шаламов В. Т. Александр Константинович Воронский // Шаламов В. Т. Собр. соч. в 6 т. + т. 7 (доп.) / Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. И. Сиротинской. Т. 4. М.: Терра — Книжный Клуб, 2005. С. 577–587.*
- Шаламов В. Т. Первый очерк «Красной нови» // Москва. 1958. № 5. С. 217–218.*
- Шаламов В. Т. Собр. соч. в 6 т. + т. 7, доп. Т. 6. М.: Терра — Книжный Клуб, 2013.*
- Шиперович Б. Я. Издательство «Советский писатель». Библиография 1934–1982. М.: Советский писатель, 1985.*
- Я не сплю в московской тишине, через час подъем на Колыме: Сб. писем узников ГУЛАГа / Сост. Т. Исаева, С. Гладыш. М.: РуПаб+, 2013.

